АЗБУКА ВЕРЫ

иерей Тарасий Борозенец

# «Благость» и «Ужас» Владимира Набокова

Художественная литература · azbyka.ru

**«Благость» и «Ужас» Владимира Набокова** – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/blagost-i-uzhas-vladimira-nabokova

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

# «Благость» и «Ужас» Владимира Набокова

*иерей Тарасий Борозенец*

В начале 1920-х годов молодой Владимир Набоков, оказавшийся в берлинской эмиграции, пишет два коротких, почти эскизных рассказа, которые позже войдут в сборник «Возвращение Чорба». Это «Благость» (1924) и «Ужас» (1926). Между ними — всего два года, но какая пропасть человеческого опыта! Оба текста — не столько сюжетные новеллы, сколько философские медитации, попытки уловить два предельных состояния, между которыми только и может пребывать живая душа.

## Воспоминание рая

«Благость» — это гимн тому мгновенному, ничем не обусловленному счастью, которое вдруг накрывает человека посреди обыденности. Герой Набокова не совершает ничего героического, ничего специального: он просто ждёт свою возлюбленную без особой надежды, наблюдает за прохожими и вдруг, ни с того ни с сего, его настигает счастье. «Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благость всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим,-- и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благостное волнение, подарок, не оцененный нами». Что вызывает это чувство? Не важно — любая мелочь может стать тем «ключом», который отмыкает дверь.

В чём же суть этого счастья? Набоков даёт поразительный ответ: в его простотет и отсутствии рефлексии. Счастливый человек не задаёт себе вопрос «почему мне хорошо?», он просто живёт, сливаясь с течением жизни. Это состояние близко к тому, что святые отцы называли «целомудрием» в первоначальном смысле слова — цельностью, собранностью души, не раздробленной тревогами и заботами.

И здесь православный читатель не может не вспомнить слова Спасителя: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 34). Набоковская «благость» — это именно жизнь «сегодня», без тревожного взгляда в будущее и горестного — в прошлое. Это умение видеть мир таким, какой он есть, и находить в этом видении радость.

Но у этой радости есть один тревожный недостаток, который сам Набоков, кажется, ощущает, но не проговаривает до конца. Она — дар, но дар невольный и неуловимым. Человек не может вызвать её усилием воли; она приходит «вдруг» и так же «вдруг» уходит. Это «благость» земная, не подкреплённая благодатью. Она похожа на ту радость, которую знали до грехопадения Адам и Ева, но после изгнания из рая она стала лишь проблеском, напоминанием об утраченном.

## Предчувствие ада

И тут — как ответ, как бросок маятника в другую сторону — возникает «Ужас».

Если «благость» — это чувство единства с миром, то «ужас» — переживание полного, абсолютного разрыва. Набоков описывает его с пугающей точностью: внезапно человек

перестаёт понимать, что связывает его с другими людьми, с вещами, с собственным телом, с окружающим миром. «Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе, и мир был сам по себе, - говорит герой, - и в этом мире смысла не было. Я увидел его таким, каков он есть на самом деле». Так же как и ощущение благости, чувство ужаса настигает человека вдруг, ни с того ни с сего, в обыденной суете, как гром среди ясного неба. Так же как и счастье, страх внезапно приходит и внезапно уходит. Так же как и радость ужас не зависит от нашего желания, он так же ослепительно очевиден и неоспорим. Если благость – напоминание об утраченном рае, то ужас – предощущение приближающегося ада.

## Между полюсами

Между этими полюсами — благостью единения и ужасом одиночества — и натянута жизнь каждого человека. Мы качаемся между ними, как маятник. Сегодня мы растворяемся в радости, чувствуя, как мир принимает нас в свои объятия. Завтра просыпаемся в холодном поту от ощущения, что мы — чужие, лишние, выпавшие из всего.

Почему так устроен человек? Потому что он — пограничное существо. Он живёт одновременно в двух мирах: в мире вещественном, доступном чувствам, и в мире духовном, который открывается только вере. Когда он пытается укорениться только в первом, он обречён на эти качели. Земная благость непостоянна, потому что всё земное непостоянно. Земной ужас неизбежен, потому что без Бога человек действительно одинок.

Апостол Павел говорит: *«Ибо мы — соработники у Бога; вы — Божие поле, Божие строение»* (1Кор.3:9). Человек создан не для того, чтобы быть самодостаточным монадическим существом, запертым в самом себе. Он создан для общения — с другими людьми, с миром, и прежде всего — с Богом. Когда рвутся эти нити, наступает ужас. Когда они восстанавливаются — приходит благость.

Но есть и третье состояние, которого Набоков не касается (и, как писатель вне христианской традиции, не мог коснуться). Это благодать — тихая, ровная, не знающая таких катастрофических перепадов. Она не похожа ни на восторженную «благость», ни на леденящий «ужас». Это — мир, который Христос оставил нам: *«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам»* (Ин.14:27).

## Трагедия писателя

Мы были бы несправедливы и нечестны, если бы, восхищаясь художественной силой набоковской прозы, остановились на полпути. Описав с почти евангельской остротой два полюса человеческого существования — благость единения и ужас одиночества, — сам Владимир Набоков так и остался зажатым между ними. Он не нашёл выхода.

К сожалению, Набоков навсегда застрял в *земном капкане* – между благостью и ужасом. Вся его жизнь, всё его творчество — это гениальная, ослепительная, но безысходная идолизация земного бытия. Он боготворил память, он боготворил время, он боготворил детство, он боготворил творческий дар, он боготворил «потусторонность» как эстетическую игру, но так и не сделал последнего, самого страшного и самого радостного шага — к Личному Богу, ко Христу.

Он написал «Благость» — но не познал Благодати. Он написал «Ужас» — но не пришёл к страху Божию, не припал к Тому, Кто говорит: *«Не бойся, только веруй»* (Мк.5:36). Его герои мечутся между восторгом и отчаянием, и сам он метался вместе с ними, очарованный красотой

мира, но не разглядевший за этой красотой Творца. Он создал из литературы культ, из памяти — святыню, из стиля — таинство. Но всё это было подменой, симулякром религии.

Господь предупреждал: *«Никто не может служить двум господам… Не можете служить Богу и маммоне»* (Мф.6:24). Для Набокова «маммона» — не столько деньги, сколько всё земное, прекрасное, пьянящее — бабочки, шахматы, слова, закаты, женщины, ускользающие тени утраченной России. Он служил этому со всем усердием, и это служение заслонило от него Христа. Он искал выхода в «потусторонность», но его «потусторонность» была без Христа — а значит, пустой и беспросветной.

Что говорит нам Писание о такой трагедии? *«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?»* (Мф.16:26). Набоков приобрёл весь мир слова, он стал властелином русского языка в изгнании, он достиг вершин художественного совершенства. Но его душа, такая тонкая, такая ранимая, такая жаждущая, — осталась повреждённой. Она не успокоилась в Боге, потому что не впустил Его в свой отрефлексированный, ироничный, эстетический, самодостаточный мир.

Он мог описать рай (в «Благости») и мог описать ад (в «Ужасе»), но так и не нашёл пути к Спасителю, Который один соединяет рай и ад Своим Крестом. Его герои очарованно скользят по поверхности жизни, боясь заглянуть в бездну веры. Сам он, увы, остался внутри той самой растяжки, которую так точно изобразил.

## Урок спасения

И в этом — горький урок для нас, православных читателей. Художественный гений не спасает. Эстетическое переживание «благости» — не спасает. Самый тонкий анализ «ужаса» — не спасает. Спасение — только в живом, личном, покаянном обращении ко Христу, Который говорит: *«Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас»* (Мф.11:28). Набоков не пришёл. Он остался труждающимся и обременённым — великим, гениальным, но не умиротворённым.

Помолимся же о упокоении его души — ибо милость Божия больше любой человеческой правды, и кто знает, что случилось с ним в последний миг перед лицом Вечности. Пусть его творчество для нас будет не идолом, а предостережением: как страшно и как бесплодно замыкаться в гранях своего «я», даже если это «я» — набоковского масштаба. Только Христос размыкает круг. Только Христос выводит из капкана.

*«Метётся душа наша, Господи, пока не успокоится в Тебе»* (блж. Августин).

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch